

УДК 801.73

Романов Д. А.*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, проспект Ленина, д. 125, Российская Федерация*

ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ПОИСКОВ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется язык повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей» как воплощение философского и психологического опыта писателя. Исследуемая повесть подводит итоги многолетних раздумий Толстого. В статье рассматриваются основные нравственно-этические категории бытия, многомерные аспекты человеческой психологии и их воплощение преимущественно в лексическом оформлении текста. Прослеживается связь повести с другими произведениями Толстого в плане единства идиостиля и приёмов работы с языковыми средствами, репрезентирующими нравственные поиски личности. Выявляются особенности авторских семантических трансформаций лексических значений, их расширения и обогащения; исследуются формы коннотативных наслоений (придание отрицательной оценочности, ироничное переосмысление и др.). Определяются причины устойчивой популярности данной повести у читателей различных поколений. Теоретическая значимость работы состоит в углублении научного знания о лексико-стилистических новациях творческого метода Л. Н. Толстого. Практическая ценность заключается в применении к исследованию комплексного методологического подхода, включающего изучение филологических, психологических и философских аспектов художественного текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

нравственность, этика, философия, текст, лексика, семантика, оценочность

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Материал, методы и уровень исследованности проблемы](#)

[Принципы и опыт нравственно-этических поисков личности в художественно-языковой рефлексии Л. Н. Толстого](#)

[Результаты: пути обретения истины](#)

[Вывод](#)

D. Romanov

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125 prospekt Lenina, Tula 300026, Russian Federation*

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL EXPERIENCE OF MORAL AND ETHICAL PERSON SEARCHES IN ART-LANGUAGE REFLECTION (BASED ON THE MATERIAL OF L. N. TOLSTOY'S STORY «THE PRIEST SERGIY»)

ABSTRACT

The language of a work of fiction is treated in the article as the embodiment of the author's philosophical and psychological experience. The story under study sums up Tolstoy's longstanding years of deliberation. The article discusses the main moral and ethical categories of being, multidimensional aspects of human psychology and their implementation mainly in the lexical design of the text. There is a connection between the story and other works of Tolstoy in terms of the unity of idiostyle and methods of working with language means that represent the moral search for personality. The features of the author's semantic transformations of lexical meanings, their expansion and enrichment are revealed. The forms of connotative stratifications are studied (negative assessing, ironic rethinking, etc.). The reasons for the sustained popularity of this story among the readers of different generations are determined. The theoretical significance of the work is to deepen scientific knowledge about the lexical and stylistic innovations of L. N. Tolstoy's creative method. The practical value lies in applying a comprehensive methodological approach to the study, including the study of the philological, psychological and philosophical aspects of the literary text.

KEY WORDS:

morality, ethics, philosophy, text, vocabulary, semantics, assessment

ВВЕДЕНИЕ

Повесть «Отец Сергий» – одно из самых известных произведений Л. Н. Толстого, которое широкий круг читающей публики считает показательным проявлением многих сторон мировоззрения писателя. Этот факт тем более удивителен, что повесть не является законченной. Несмотря на длительную работу над ней, продолжавшуюся в 1890–1900-х гг., Толстой не считал текст завершённым и оставил замысел воплощённым в самом общем виде. Именно поэтому при жизни автора повесть не печаталась и вышла в свет лишь в 1911 г. в томе посмертных сочинений Толстого под редакцией В. Г. Черткова.

Но, видимо, настолько значительными были творческие планы Толстого в отношении этого сюжета и столь отточенным стало к концу жизни его языковое мастерство, что даже в «сыром», не отшлифованном до конца виде повесть произвела огромное впечатление на читателей. Она и поныне продолжает оставаться одним из самых популярных произведений писателя. Разумеется, связано это в равной мере как с проблематикой, так и с её формальным (языковым, композиционным, стилистическим) воплощением.

В повести отражаются многие вопросы, которые волновали Толстого на протяжении всего творческого пути: безнравственность и бездуховность великосветской жизни, разрушение семейных идеалов и устоев, поиски молодым человеком своего места в мире, диалектика внешней (ложной) и внутренней (истинной) красоты человека, возможность обретения подлинной чистой любви и т. д. Особое звучание приобрели в повести проблема христианской веры (духовной и ритуальной – церковно-обрядовой) и проблема искушения.

На каждый из обозначенных вопросов Толстой предлагает ответы, являющиеся итогом его личностных нравственно-этических поисков, которые продолжались всю жизнь. Таким образом, «Отец Сергей» – повесть многоаспектная, сплавливающая воедино художественное, философское, психологическое начала.

МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ И УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Идейное содержание повести «Отец Сергей» не раз становилось предметом тонкого и глубокого анализа. Достаточно назвать многолетние размышления В. Б. Шкловского по поводу этого толстовского текста (напр.: [8, с. 193–203]). Б. М. Эйхенбаум относил повесть к произведениям героико-трагедийным, преобладавшим «в последний период жизни Толстого» [9, с. 729]. Её образная система интерпретировалась в сравнении с героями драмы «Власть тьмы» [4, с. 30–33]. Не имеет смысла повторять уже высказанные соображения исследователей-толстоведов. Однако повесть Толстого, как любой хороший литературный текст, стереоскопична и с течением времени открывает всё новые и новые перспективы рассмотрения. Кроме того, она позволяет каждому следующему поколению читателей увидеть в ней нечто ранее не замеченное или созвучное новой исторической реальности, ведь текст продолжает жить во времени своих читателей и изменяться с этим временем. Рецепция толстовского творчества обширна и активна [5].

Нравственно-этические принципы, тонкости индивидуальной и коллективной психологии людей, продуманные и прочувствованные неординарным писателем-мыслителем, прошедшим большой и нелёгкий жизненный путь, несомненно, достойны внимания и в настоящее время.

Мы оставим за пределами рассмотрения собственно идейную сторону текста (связанную с его замыслом, тематикой, сюжетом и т. д.), но постараемся проследить, как в его языке воплощаются нравственные поиски героя, нравственные позиции автора и особенности их психологии.

ПРИНЦИПЫ И ОПЫТ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ПОИСКОВ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ Л. Н. ТОЛСТОГО

В языковом отношении автор и герой в повести то сходятся, то расходятся. В отдельных главах внутренняя речь героя звучит как изложение мыслей автора, в других частях текста автор проявляется наряду с героем и высказывается от своего имени. Яркий пример последнего типа находим во II главе повести при рассуждении о целомудренном поведении девушки до замужества. Характеризуя взгляды героя, автор высказывает и собственное мнение (на это указывает вводная конструкция): *В таком взгляде было много неверного и вредного в той распушенности, которую позволяли себе мужчины, но по отношению женщин такой взгляд, резко отличающийся от взгляда современных молодых людей... – такой взгляд был, я думаю, полезен* (с. 371)¹.

Текст повести выстроен на лексических опорах, прямо или косвенно указывающих на его духовно-нравственное идейное наполнение. Прямо это выражается в словах, называющих моральные категории, человеческие эмоции, чувства и переживания; косвенно – в лексике, получающей такое значение в текстовом пространстве толстовской повести.

С употребления такого слова, косвенно указывающего на нравственное содержание, повесть начинается. Это причастие *удививший*: *В Петербурге в сороковых годах случилось удивившее всех событие* (с. 367). Перед нами авторская перспекция по отношению ко всему последующему тексту. Она подчёркивает, насколько общество далеко от правильного понимания смысла и целей человеческой жизни, если считает удивительным поступок Степана Касатского, потерпевшего крушение своих наивно-позитивных оценок большого света и личного восхищения российским императором.

Далее в этом идейном поле Толстой строит антитезу косвенно-нравственных понятий посредством столкновения адъективных лексем *необыкновенный* и *необъяснимый*, синонимичных приведённому выше причастию *удививший*, с наречием *естественно*: *Событие казалось необыкновенным и необъяснимым для людей, не знавших внутренних причин его; для самого же князя Степана Касатского всё это сделалось так естественно, что он не мог и представить себе, как бы он мог поступить иначе* (с. 367).

Толстой показывает, как естественная нравственная норма целомудрия, непорочности, сохранения чести становится для общества удивляющей и необычной.

В языковом мире Толстого общественное звучание причастий *удививший* и *удивлявший* всегда негативное, показывающее извращение нравственных

¹ Толстой Л. Н. Отец Сергей // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1964. С. 367–411. Здесь и далее текст повести Л. Н. Толстого цитируется по приведённому изданию с указанием в круглых скобках только страницы. Все шрифтовые выделения в цитатах принадлежат автору статьи.

идеалов общества или его тяготение ко внешним эффектам, скандальности, эпатажности и т. п. Во втором (негативном нравственно-этическом) значении встречаем эту лексику в IV главе повести при рассказе о посетительнице скита отца Сергия: ... *четвёртая была разводная жена, красавица, богачка и чудака, удивлявшая и мутившая город своими выходками* (с. 381).

Прямое нравственно-этическое значение имеют в повести, как это отмечается вообще в идиостиле Толстого, прилагательные, характеризующие общественные идеалы, устремления, предпочтения: *блестящий, образцовый, безукоризненный, совершенный*. Во многих произведениях Толстого, начиная с самых ранних, второй половины 1850-х гг., эти традиционно мелиоративные по оценочности прилагательные приобретают явно отрицательную коннотацию. Это одна из устойчивых черт языка писателя, что не раз отмечалось исследователями [1, с. 243; 6, с. 252]. В «Отце Сергии» читаем (выявляя авторскую негативную оценку): *блестящая карьера* (с. 367); *мальчик выдавался блестящими способностями* (с. 367); *Касатский казался самым обыкновенным молодым блестящим гвардейцем* (с. 369); *потом он задался мыслью достигнуть блестящего положения в высшем светском обществе* (с. 370); *Он был бы образцовым кадетом* (с. 368); *одно, что мешало ему быть образцовым, были находившие на него вспышки гнева* (с. 368); *очень скоро стал образцовым офицером* (с. 370); *Как в полку он был не только безукоризненным офицером, но таким, который делал больше того, что требовалось, и расширял рамки совершенства, так и монахом он старался быть совершенным* (с. 374).

Негативная коннотация этих нравственно-оценочных слов возникает у Толстого по принципу отталкивания того, что высоко ставится безнравственным, по его мнению, обществом и является авторской семантической новацией [7, с. 109].

Ещё одна сторона общественной жизни всегда вызывала неприятие Толстого – её театральность, искусственность, ориентированность на внешний эффект. Ещё со времен «Войны и мира», где эта особенность общественной жизни была подвергнута Толстым уничтожающей критике, он выработал особые языковые приёмы развенчания лживости высшего света, представители которого (даже самые именитые) всегда изображаются Толстым как паяцы, фигляры, неумелые актёры (для этого используется специальная лексика). Так обрисован в «Отце Сергии» император Николай I: ... *он театрально отстранил его и, нахмурившись, погрозил пальцем* (с. 368); *возлюбленный восторг* к Николаю Павловичу (с. 369); *все, как всегда, были тронуты, а Касатский, помня прошедшее, плакал слезами и дал обет служить любимому царю всеми своими силами* (с. 369).

Такие же, безусловно, негативные явления человеческой жизни обозначают, по мнению Толстого, многие слова общественно-политической сферы. Вот показательный пример подобного словоупотребления в повести: *Не-*

вольно представлялась ему знакомая фаворитка государя, вышедшая потом замуж и ставшая прекрасной женой, матерью семейства. Муж же имел **важное назначение**, имел и **власть**, и **почёт**, и хорошую, покаявшуюся жену (с. 375). Обратим внимание, что в приведённом примере прилагательные *прекрасный*, *хороший* и причастие *покаявшийся* употреблены в прямо противоположном своему обычному значению смысле, т. е. Толстой придаёт им ироничное звучание.

Естественные нравственные категории меркнут, обесмысливаются в этом лживом, театральном обществе. Именно поэтому Толстой вводит такие категории в текст аккуратно, незаметно и понемногу, чтобы не затенить их истинного смысла. Обозначением таких категорий выступают в повести «Отец Сергей» слова *чистота*, *ангел*, *умиление*: ...*боясь оскорбить, осквернить **ангельскую чистоту** невесты* (с. 371); *не испытывал ни малейшей чувственности к невесте, напротив, с **умилением** смотрел на нее, как на нечто недосягаемое* (с. 371); *страшно было говорить «ты» этому **ангелу*** (с. 372).

Толстому было свойственно переосмысливать многие узуальные значения нравственно-этических слов в соответствии с установлениями русского общества его времени. Писатель безжалостно критиковал расхожие идеалы, догмы, принятые всеми ложные ценности. И, наоборот, придавал положительную оценочность отдельным лексемам, которые обычно (в общественном сознании) не имеют коннотации или тяготеют к отрицательному коннотативному полюсу. Вот показательный пример: *Одна сестра, такая же **гордая** и **честолюбивая**, как и брат, понимала его* (с. 373). Прилагательное *гордый* узуально может восприниматься как положительно-оценочное, прилагательное же *честолюбивый* приобретает такую оценочность только в контексте повести Толстого. Причём, заметим, только повести «Отец Сергей», где автор показывает людей (в высших кругах общества), не имеющих чести или готовых забыть о ней, пожертвовать ею во имя карьеры, положения, благосклонности августейших особ. На их фоне честолюбивые Касатские выглядят вполне достойными людьми. Толстой актуализирует в сложном слове *честолюбие* значение корня *честь*, подавая его как *достоинство личности*, а не как *высокое общественное положение*, что является в этом случае авторским семантическим сдвигом. Узуальное значение существительного *честолюбие* иное, отрицательное – *стремление добиться высокого, почетного положения, жажда известности, славы*². В традиционном для языка значении Толстой использовал это слово в других своих произведениях.

Носители ложных общественных ценностей показаны в повести с помощью характерных для идиостиля Толстого приёмов. Например, с помощью приёма снижающей детали во внешнем облике. Так изображены игумен мо-

² Словарь русского языка: в 4 т. / глав. ред. А. П. Евгеньева. 4-е изд. Т. 4. М.: Русский язык, 1999. С. 672.

настыря, в котором некоторое время жил отец Сергей, и генерал, из праздного любопытства приехавший посмотреть на своего бывшего сослуживца. В тексте этот приём оформляется следующим образом: *Игумен стоял в облучении у стены, выпростав **короткие пухлые ручки** из-под ризы над **толстым телом и животом**, и, растирая галун ризы, улыбаясь, говорил что-то с военным в генеральском свитском мундире с вензелями и аксельбантами (с. 378); игумен знает это и рад этому, и оттого так сияет его **красное толстое лицо с лысиной**; **выхоленное лицо** генерала с **самодовольной улыбкой** (с. 379).*

Проблематикой повести обусловлена акцентировка Толстым пагубного влияния на человека таких этических ориентиров, как *соблазн, тщеславие и слава*. С такой нравственной позицией автора связаны особенности употребления в тексте повести соответствующей лексики: *И вдруг ему стало совестно своего **тщеславия**... для себя он не мог выпросить у бога освобождения от этой ничтожной страсти* (с. 399). Существительное *слава* повторяется в VI главе повести часто и навязчиво: *С тех пор **слава** отца Сергея стала увеличиваться... **Слава** про отца Сергея, как всегда, преувеличивая его подвиги, шла все дальше и дальше* (с. 391); ***Слава** отца Сергея распространялась дальше и дальше* (с. 392). Автор ассоциирует с этим словом всё внешнее, наносное, лживое в человеке. Соблазн же не даёт человеку жить настоящими нравственными ценностями. А преодолеть соблазн чрезвычайно трудно. Размышляя об этом, Толстой наделяет язык своей повести афористическими чертами. Делясь с читателем открытиями, обретёнными в непростых жизненных поисках, испытаниях и долгих раздумьях, автор сознательно избирает стиль нравоучительной притчи, многие фрагменты которой звучат как языковые формулы. Как писал В. Д. Днепров, «искусство Толстого стремится доводить изображаемое до невозможной ясности» [3, с. 221]. Вот несколько подобных примеров: *Соблазны должны войти в мир, но **горе тому, через кого соблазн входит**... Молись, чтобы бог простил нас* (с. 390); ***уничтожалась его внутренняя жизнь и заменялась внешней*** (с. 392); *Он чувствовал в глубине души, что **дьявол подменил всю его деятельность для бога деятельностью для людей*** (с. 393).

РЕЗУЛЬТАТЫ: ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ ИСТИНЫ

На пути обретения закона праведной жизни герой Толстого подвергается многим нравственным испытаниям. Среди них – понимание неверия в других и соблазн осуждения: *Молодой человек, очевидно, не желал вступать в спор с монахом, соглашался с ним во всём, как с человеком слабым, но отец Сергей видел, что молодой человек не верит и что, несмотря на то, ему хорошо, легко и спокойно* (с. 398). Но самое страшное – разочарование в собственных жизненных, нравственных исканиях и отчаяние. Для отца Сергея это едва не заканчивается потерей веры. В кульминационном моменте по-

вести в голове монаха, вчерашнего праведника и святого (по оценке людей), звучат страшные слова о Боге, граничащие с кощунством: *Да есть ли он? Что как я стучусь у запертого снаружи дома...* (с. 400).

А истина оказывается, по мысли Толстого, совсем простой. И обретает её отец Сергей у подруги своего детства, а ныне живущей в полунищете престарелой Пашеньки. Она просто не делает зла и, забывая себя, помогает другим людям. Слово *просто* становится ключевым в понимании писателем нравственного закона: *... Она все силы употребляла, чтобы смягчить их, чтобы не было упреков, не было зла. Она не могла физически почти переносить недобрые отношения между людьми. Ей так ясно было, что от этого ничто не может стать лучше, а все будет хуже. Да этого даже она не думала, она просто страдала от вида злобы, как от дурного запаха, резкого шума, ударов по телу* (с. 404).

В собственной оценке Пашеньки её жизнь ничтожна (обратим внимание на соответствующую семантику прилагательных и наречий в этой самохарактеристике): *Да я прожила самую гадкую, скверную жизнь, и теперь бог наказывает меня, и подделом, и живу так дурно, так дурно...* (с. 407). Но отец Сергей понимает, что только так – для других, а не для себя – и можно жить, поэтому узуальные значения выделенных слов опровергаются контекстом.

В финале повести Толстой вновь прибегает к афористичному, формульному стилю повествования. Точнее, это языковые формулы нравственных истин человеческого бытия, которые возникают в сознании главного героя как итог его длительных жизненных поисков. Главная этическая категория в этих афоризмах и ключевое слово – *Бог*. Но содержание этой категории и значение данного слова переосмыслены, обогащены автором, как это часто происходит в религиозном по тематике дискурсе Толстого [2, с. 256]. Это не Бог церковных обрядов и религиозных текстов, а Бог сострадания к человеку, забвения собственного тщеславия и бескорыстной, не требующей оценок и наград помощи ближнему. Подобное семантическое обогащение зафиксировано в виде оттенков первого значения слова *Бог* в современных толковых словарях. Например, в «Большом академическом словаре русского языка» у значения *создатель Вселенной, всего сущего, управляющий миром* приводится более двадцати оттенков³, среди которых имеются и близкие трактовке Толстого. Вот некоторые афоризмы последней главы повести со словом *Бог*: ***Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей*** (с. 409); ***... всё это было загажено, заросло славой людской. Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской*** (с. 410); ***Чем меньше имело значения мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог*** (с. 411).

³ Большой академический словарь русского языка: в 27 т. Т. 2. М.; СПб.: Наука, 2005. С. 78–81.

ВЫВОД

По сути, повесть «Отец Сергей» воплощает нравственные итоги идейных и жизненных поисков самого Толстого, являя их в отточенных многолетним писательским опытом языковых формах. Узнаваемость, отчётливая авторская «окрашенность» этого толстовского текста обуславливают его непреходящую популярность у читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беднарская Л. Д. Об уровнях социального обличения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции. Липецк: ЛГПУ, 2018. С. 240–245.
2. Денисов А. Н. Библия и Л. Н. Толстой: сын человеческий // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах: материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула: ТГПУ, 2016. С. 256–259.
3. Днепров В. Д. Изобразительная сила толстовской прозы // Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени. Л.: Советский писатель, 1980. С. 191–245.
4. Л. Н. Толстой: идеи, образы, язык: коллективная монография. Тула: ТГПУ, 2015. 170 с.
5. Рецепция Личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография. Казань: КФУ, 2017. 401 с.
6. Романов Д. А. Прилагательные, характеризующие светское общество в произведениях Л. Н. Толстого 1880–1890-х гг. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2008. Т. IV. Ч. 3. С. 243–254.
7. Романов Д. А. Семантические и стилистические новации Л. Н. Толстого // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: тезисы докладов Международной научной конференции, 14–16 марта 2018 г. М.: Азбуковник, 2018. С. 108–110.
8. Шкловский В. Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. 376 с.
9. Эйхенбаум Б. М. О противоречиях Льва Толстого // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования, статьи. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 711–738.

REFERENCES

1. Bednarskaya L. D. [On the levels of social reproof in L. N. Tolstoy's novel "Resurrection"]. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe m vremeni: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [L. N. Tolstoy and A.I. Solzhenitsyn: the dialogues in the last time: materials of all-Russian scientific conference]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 240–245.
2. Denisov A. N. [The Bible and L. N. Tolstoy: the son of a man]. In: *Dukhivnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursakh: materialy XXXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii* [L. N. Tolstoy's spiritual heritage in contemporary cultural discourses: proceedings of the XXXV International Tolstoy readings]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2016, pp. 256–259.

3. Dneprov V. D. [The visual power of Tolstoy's prose]. In: Dneprov V. D. *Idei vremeni i formy vremeni* [Ideas of time and form time]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1980, pp. 191–245.
4. L. N. Tolstoi: *idei, obrazy, yazyk* [Tolstoy: ideas, images, language]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2015. 170 p.
5. *Retseptsiya Lichnosti i tvorchestva L'va Tolstogo* [Reception of Leo Tolstoy's personality and creative work]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2017. 401 p.
6. Romanov D. A. [Adjectives characterizing secular society in the L. N. Tolstoy's works of 1880-1890s]. In: *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanii RAN* [Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of Institute for linguistic studies, Russian Academy of Sciences], 2008, vol. IV, part 3, pp. 243–254.
7. Romanov D. A. [L.N. Tolstoy's semantic and stylistic innovations]. In: *Vtorye Grigor'evskie čteniya. Neologiya kak problema lingvističeskoj poetiki: tezis dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 14–16 marta 2018 g.* [Second Grigoriev readings. Neology as a problem of linguistic poetics: abstracts of reports of the International scientific conference, March 14–16th, 2018]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2018, pp. 108–110.
8. Shklovsky V. B. *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo* [String. On the dissimilarity of the similar]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1970. 376 p.
9. Eikhenbaum B. M. [On the contradictions of Leo Tolstoy]. In: Eikhenbaum B. M. *Lev Tolstoi: issledovaniya, stat'i* [Leo Tolstoy: studies, articles]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2009, pp. 711–738.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.07.2019

Статья размещена на сайте: 30.09.2019

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGMENTS

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.

This work was supported by RFBR as a part of a science project no. 18-012-00008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Романов Дмитрий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого; e-mail: kafrus@rambler.ru

Dmitry A. Romanov – Doctor of Philological sciences, professor, Head at the Center for Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: kafrus@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Романов Д. А. Философский и психологический опыт нравственно-этических поисков личности в художественно-языковой рефлексии (на материале повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей») // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Romanov D. A. Philosophical and psychological experience of moral and ethical person searches in art-language reflection (based on the material of L. N. Tolstoy's story «The Priest Sergiy»). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru